

УДК 94(47).084.9

Головоненко Дмитрий Владимирович

кандидат исторических наук, преподаватель
кафедры истории и политологии
Братского государственного университета
тел.: (914) 008-65-15

Golovonenko Dmitry Vladimirovich

PhD in History, Lecturer of the Department of History
and Political Science of Bratsk State University
tel.: (914) 008-65-15

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

POLITICAL ACTIVITY OF YOUTH IN MODERN RUSSIA

Статья посвящена всплеску общественного интереса к проблеме участия молодежи России в политической жизни в середине первого десятилетия XX в. Дана классификация общественных молодежных организаций и способов политического воздействия на молодежь через общественные молодежные организации. Рассмотрены отличия методов политического влияния на молодежь в России и в других странах, а также проблемы молодежных политических партий сегодня и опыт работы ВЛКСМ. Выделена новая модель взаимоотношений между молодежными инициативами и обществом, проанализированы причины аполитичности молодых людей.

The article is devoted to the surge in public interest concerning the problem of participation of youth of Russia in political life in the middle of the first decade of the 20th century. The author classifies the public youth organizations and ways of political impact on youth through the public youth organizations. The differences of methods of political influence on youth in Russia and other countries as well as problems of youth political parties today and All-Union Leninist Young Communist League experience have been considered. The new model of relationship between youth initiatives and society has been marked out. The reasons of political apathy of young people have been analysed.

Ключевые слова: молодежь, молодежные движения, государственная молодежная политическая, гражданская активность.

Key words: youth, youth movements, state youth political, civil activity.

В настоящее время отмечается всплеск общественного интереса к проблеме участия молодежи России в политической жизни. Во многом спровоцированный украинской «оранжевой революцией», этот интерес привел к активному «партстроительству» в молодежной среде и появлению в СМИ бесконечной череды публикаций, обсуждавших данную тему. Политическая активизация молодежного движения началась практически сразу после окончания избирательной кампании в Государственную думу 2003 г. Стал очевиден системный кризис либерального и коммунистического движений страны. По наивно откровенному выражению спикера Б. Грызлова, «парламент перестал быть местом для политической дискуссии», а стартовавшая президентская кампания стала практически безальтернативной.

Позже на Пушкинской площади состоялся совместный митинг молодых активистов «Яблока», СПС, КПРФ и НБП за бойкот президентских выборов. Дальше происходили акции: забрасывание здания ФСБ краской, попытки захватов правительственных учреждений, столкновения с милицией, общая радикализация протеста, как на демократическом, так и на левом флангах. На фоне «закручивания гаек» политика начала выходить на улицу, и в авангарде этого процесса встали молодые лидеры всего политического спектра. Реакцией стало появление движений «охранительного» толка, готовых встать на защиту Кремля. Их создание и поддержка стали, по сути, основными задачами молодежной политики на государственном уровне в первой половине XXI в. Как показал российский опыт, впервые активное вовлечение молодежи в избирательный процесс было апробировано в 1996 г. во время президентских выборов. Тогда важно было привлечь на избирательные участки именно молодежь, готовую поддержать реформаторский курс Б. Ельцина [1, с. 46-50].

Интерес к молодым соотечественникам, неожиданно вспыхнувший в середине первого десятилетия XXI в., помимо самых разнообразных дискуссий о месте, роли и возможностях молодежи в политической жизни современной России, весьма ярко высветил как наиболее актуальные проблемы и «болезни роста», присущие феномену молодежной гражданской активности, так и его восприятие обществом в целом. Начнем с того, что сам предмет (претендующий на то, чтобы стать полноправным политическим субъектом) не поддается сколько-нибудь точному и строгому описанию: как в силу полной неопределенности задаваемого понятия, так и по причине отсутствия практической применимости полученного результата. «Молодежь» – в значительной степени интуитивное социальное понятие, определяемое тем не менее в различных государственных программах преимущественно с позиции демографических показателей.

На мой взгляд, общественные молодежные организации, условно можно разделить на те, которые созданы и поддерживаются молодыми людьми (в данном случае «поколение людей проходящих стадию социализации») [2], либо функционирующие для решения каких-либо специаль-

ных задач молодежной аудитории. В данном случае конкретное направление деятельности молодежной организации не является принципиальным: специфика ее работы проявляется не столько в следовании общему тренду, сколько в особенностях его устройства.

В качестве примера можно привести тот факт, что различные исследования структуры молодежных программ в России и в развитых странах неизбежно наталкиваются на методологические проблемы, связанные с возможностью сравнения. Выясняется, что, например, в Англии или США молодежные организации как объединения молодых людей – вещь на самом деле довольно необычная. То есть таких организаций там намного больше, чем в России или же, в ставшей лидером по молодежной активности, Украине. Просто базовым принципом и причиной их возникновения и деятельности является не объединение молодежи как таковой, а потребность в решении вполне узкой задачи – реализации определенных групповых интересов. В этом смысле молодежная организация ничем не отличается от взрослой, и если последняя способна подобный интерес реализовать, то и отдельная молодежная организация, как правило, не возникает.

Таким образом, все многообразие российских молодежных политических партий, парламентов, клубов и других типов организаций (в ситуации, когда они не созданы «сверху» в качестве функционального придатка или же для канализации отрицательных настроений) говорит, прежде всего, о неразвитости обычных, взрослых социальных и политических институтов и их неспособности решать проблемы вполне определенной социально-демографической группы.

Фактически пытаясь решать вполне серьезные проблемы, молодежные организации разобщены (часто просто не видят друг друга), неустойчивы, малочисленны и не способны к выработке единых принципов (стандартов) деятельности, например распознавания «своих» и «чужих». Отсутствие профессионального языка, развитой политической риторики и системы аргументации приводит к тому, что в информативную речь проникают излишне эмоциональный и не слишком содержательный сленг, кажущиеся уместными заимствования из той среды, в которой активист самореализуется в повседневной жизни. Зачастую не очень убедительными, если не наивно-романтичными, выглядят и аргументы, на которых строятся гражданские позиции и персональные мотивации участников молодежных движений.

Вообще же подобный инфантилизм имеет достаточно глубокие корни. Важной и весьма специфической чертой развития молодежных организаций за последние 20 лет стало удаление идеологического и социального стержня, существовавшего в советское время. Во времена СССР государственная молодежная политика (по большому счету в отсутствие каких-либо явных институциональных конкурентов) была подчинена вполне объективной логике упорядочивания, классификации и совершенствования потока человеческого капитала, входившего в социальную систему. Следует заметить, что выходцы из этой системы были достаточно конкурентоспособны сами по себе – в качестве примера можно привести то обстоятельство, что современные российские элиты, в первую очередь, деловая и бюрократическая, в значительной степени состоят из вполне успешных выходцев из той, комсомольской системы. Так как проводником государственной политики в отношении молодежи, в советском обществе на протяжении всего существования СССР выступал комсомол – своеобразное «суперминистерство» по делам молодежи. Члены комсомольских органов входили в соответствующие партийные, советские и исполнительные структуры [3, с. 148]. Развал этой конструкции, сначала идеологический, а потом и фактический, поставил как уже существовавшие молодежные организации, так и вновь возникающие перед жесткой необходимостью самостоятельного привлечения заинтересованной аудитории.

В середине первого десятилетия XXI в. голос молодежи стал слышен, но реже, чем хотелось бы, он превращается в речь. Политические и гражданские организации по своей сути – мегафоны: их задача – облечь смутные томления молодого духа в тексты, выступления, целенаправленные поступки. Можно выделить три способа подобной артикуляции, в зависимости от организационной формы. Первый способ – маркетинговый, – опирается на социологические опросы и повестку дня большой политики, СМИ. К нему чаще прибегают члены молодежных отделений каких-либо партий или политических движений, которые, подобно своим старшим товарищам, ищут резонанса с массами, лидерами мнений, институциями, донорами. Как следствие, тут много ситуативных высказываний, претендующих на вещание от имени большинства (студенчества, прогрессивной, патриотической, рабочей, офисной молодежи). Второй способ – миссионерский, – более характерен для гражданских организаций и инициативных групп; в нем заметен больший акцент на идейных и ценностных позициях, которые отстаиваются безотносительно к конъюнктуре и в большей степени являются выражением позиции самих активистов. Третий – тактический, – определяется шагами врагов и оппонентов; он в большей мере свойственен «контрреволюционным» организациям-проектам, задача которых заглушить альтернативные мнения, стать их «зеркалом», двойником, пародией. Этот метод не исключает игры на опережение и перехват инициативы. Достаточно со-

слаться на «Наших», блестяще пародирующих ультрапатриотов, антифашистов, правозащитников, антиглобалистов.

Существует точка зрения, согласно которой политическая мобилизация молодежи заказана и находится на интеллектуально-организационном, ресурсном иждивении «центров силы» институциональной (органы власти, партии) и внесистемной (беглые олигархи), политики. Событийный анализ также создает впечатление, что младополитики оттеснены на вторые роли: роли «выхлопной трубы» для вброса заведомо нереспектабельных, тестовых, маргинальных идей, очерчивающих границы легальной политики, роли мобильных агитбригад в избирательных кампаниях, массовки на спецмероприятиях, «тарана» информационной блокады, «кузницы кадров».

Таким образом, в России сформировалась новая модель взаимоотношений между молодежными инициативами и обществом. В ее рамках произошло определение дальнейшего пути развития: стихийного, основанного на самоопределении самих участников сектора, и директивного, опирающегося на сформулированный в той или иной форме социальный заказ – своеобразную социальную монополию «покупателя».

В значительной степени это обусловлено общим эволюционным развитием сектора – внезапным (по крайней мере, с организационной точки зрения) разрушением жесткой вертикальной структуры, «заточенной» под вполне конкретную задачу, и предоставлением достаточно широкого окна возможностей для различных инициатив. В такой ситуации условной свободы многие организации действительно стали развиваться, открывая совершенно новые для себя направления деятельности. Однако большинство организаций, – особенно если речь идет не о правопреемниках, а о вновь созданных, – существуют в собственном микромире, зачастую совершенно искренне не подозревая о факте существования потенциальных партнеров и клиентов. Основная причина такой дробности и закрытости заключается в малом влиянии, которое такие организации могут оказывать. Требуемый эффект масштаба, позволяющий заявить о своих намерениях и добиться их реализации, как правило, недостижим, да и скудость ресурсной базы еще более усугубляет ситуацию.

Результаты исследований середины первого десятилетия XXI в. показали, что молодежь в целом аполитична. В выборах федерального уровня участвовали менее половины молодых россиян, лишь 33% молодых граждан в возрасте до 35 лет интересовались политикой [4]. Сегодня ситуация не претерпела особых изменений, в российском обществе царит недоверие к партиям и разочарованность в политических деятелях. Молодежь испытывает особенно сильную брезгливость к этой сфере, считая почти неприличным состоять в какой-либо партии. Молодые люди в массе своей не участвуют в общественных процессах, бойкотируя выборы и политическую жизнь как таковую. Большинство молодых лидеров открывают для себя бизнес, учебу, карьеру, семью, клубы, спорт – все, но только не продолжение политической карьеры.

На мой взгляд, гражданская активность станет массовой тогда, когда это станет модным. Сегодня модно быть образованным, креативным и свободным. Эти ценности сегодня разделяются молодыми людьми, но в политические лозунги пока не конвертируются. Если такая конвертация состоится, то придет эра новой политики за счет активизации «молодежного сектора». Молодые люди, которые будут формировать повестку завтрашнего дня, сегодня учатся, работают, растут – сейчас им просто некогда. Но определенно придет и их время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бушует А.С. «Голосуй или проиграешь!»: предвыборная кампания 1996 г. и российская молодежь // Власть. 2011. № 6.
2. Социология молодежи / под ред. В.Т. Лисовского. СПб., 1996.
3. Головоненко Д.В. Реализация государственной молодежной политики в современных условиях // Власть и воздействие на массовое сознание: сб. статей IV Всерос. науч.-практ. конф. Пенза, 2008.
4. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р)